

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.А. Соллертинский

Основы современной церковно-приходской школы

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 1. С. 3-25.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Основы современной церковно-приходской школы.

ЦЕЛЬЗЯ оспаривать того, что съ 13 іюня 1884 г. у насъ начался совершенно новый и особливый періодъ для церковно-приходскихъ школъ, первое возникновеніе которыхъ совпадаетъ съ возникновеніемъ христіанскаго образованія на Руси. Ихъ въ этомъ послѣднемъ періодѣ стало несравнимо больше, чѣмъ во все предшествующее время. Ихъ существованіе получило непоколебимую устойчивость: ихъ дальнѣйшее возрастаніе идетъ не только безостановочно, а и стремительно; ихъ фізіономія теперь рѣшительно выясняется; и наконецъ уже наступаютъ дни, когда послѣднее поколѣніе вошедшихъ въ самостоятельную жизнь русскихъ крестьянъ будетъ поколѣніемъ, которое въ немалой части получило свое образованіе въ тѣхъ начинающихъ украшать село, деревню, поселокъ зданіяхъ, на которыхъ усматривается надпись: «Церковно-приходская школа».

Есть мнѣніе, что указанный мною періодъ церковно-приходскихъ школъ находитъ своихъ предшественниковъ-подготовителей въ средѣ отечественныхъ дидактологовъ инаго рода. И указываетъ, во-первыхъ, покойный К. Д. Ушинскій, подготовительную миссію котораго усматривали бы въ томъ, что онъ протестовалъ и, такъ сказать, положилъ предѣлъ увлеченію нашему западной—по преимуществу, конечно, нѣмецкой дидактикой. Другимъ подготовителемъ является гр. Л. Н. Толстой—у котораго отмѣтили протестъ противъ увлеченія новыми способами и приемами обученія ¹⁾. Съ своей стороны

¹⁾ Церковныя Вѣдом. 1892 г., стлб. 1349.

могу сказать относительно Ушинскаго, что въ свое время былъ обязанъ читать и рецензировать ¹⁾ добрый трудъ одного молодаго писателя, который по совѣсти и убѣжденію считалъ себя обязаннымъ снять съ К. Д—ча — безспорно много сдѣлавшаго для обученія, человѣка добросовѣстнаго, притомъ несчастливаго — неизвѣстно какъ сложившуюся недобрую славу, показать его истовую христіанственность и совершенную свободу отъ очень, къ сожалѣнію, нерѣдкаго, хотя и дикаго, отношенія русскихъ интеллигентовъ къ религіи, — отношенія, какъ обыкновенно говорятъ, отрицательнаго, отношенія, въ которомъ много и легкомыслія, и ложнаго стыда, и грубаго сенсуализма, нѣтъ только вдумчивости и правильности. Не только какъ человѣкъ, но и какъ писатель, Ушинскій безъ сомнѣнія былъ религіознымъ и желалъ служить христіанству. Поэтому такое или другое сближеніе его съ церковно-приходскою школою въ принципѣ вполнѣ возможно и мыслимо. Но при этомъ никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что онъ не только теоретически и вдобавокъ практически зналъ нѣмецкую педагогику лучше многихъ другихъ, но и относился къ ней съ полнымъ уваженіемъ. И онъ не только могъ, а и предъ глазами своими имѣлъ большія основанія протестовать противъ чуть не поголовнаго у насъ знанія нѣмецкихъ дидактологовъ только по именамъ, да по заголовкамъ ихъ сочиненій. Но, оберегая отъ *слѣдованія* нѣмцамъ, онъ протестовалъ бы прежде всего противъ самого себя. Не говоря ни о чемъ другомъ, самый популярный трудъ его — «Родное Слово» имѣетъ свой оригиналь въ той школьной практикѣ, которая должна считаться съ существованіемъ въ школьномъ обученіи такъ называемаго «нагляднаго обученія» какъ особеннаго предмета, особенной дисциплины; между тѣмъ какъ въ нашихъ школахъ такого предмета официально не признается и до сихъ поръ. Съ другой стороны безспорно, что всякое увлеченіе чѣмъ бы то ни было въ области дѣла можетъ вносить лишнее, а иногда и прямо вредное. Но если говорить объ увлеченіи нѣмецкой педагогикой вообще и неопредѣлительно, то въ ней вѣдь—въ этой педагогикѣ—должны быть подразумѣваемы и такіе матеріалы, войти и даже вжиться въ которые право было бы чрезвычайно полезно для всякаго, отдавашаго свои силы пер-

¹⁾ См. отзывъ о диссертациі кандидата г. Щукина въ Архивѣ Спб. Акад. за 1898 г.

ковно-приходской школѣ. Не говорю о пѣтистической педагогикѣ, которая въ области лютеранской идетъ, какъ внушительный и уваженный протестъ противъ лютерскаго увлеченія знаніемъ, теоретизмомъ въ богословствованіи, — протестъ во имя благочестія и вѣры живой. Не говорю о дидактическихъ работахъ по Закону Божію, которыя перѣдко показываютъ, какъ глубоко и живо лежитъ въ душѣ такихъ православно-авторовъ религіозный интересъ и чувство Бога. Обратите вниманіе на цѣлыя направленія, какъ въ католической, такъ и въ протестантской педагогикѣ, которыя по всей справедливости называются богословскими и въ которыхъ разработка вопросовъ идетъ на почвѣ ихъ вѣроисповѣданія, значить по своему сравнительно съ нами; но идея, принципъ сходятся съ основными особенностями, отличающими педагогику, которая подразумѣвается церковно-приходской школой въ ея особенности; и развѣ эта педагогика не примыкаетъ готовно къ тому, напр., что возможность образованія для дитяти съ абсолютной необходимостію обусловливается благодатію крещенія. Возьмите опять это панпѣтистическое (=все въ Богѣ) движеніе, которое на Западѣ началось въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія и, бесспорно отразившись въ педагогической области ¹⁾, указываетъ такой конецъ, идеаль обученія, который не просто близокъ, а прямо родной для церковно-приходской школы. Дѣятели послѣдней отъ близкаго знакомства съ такими произведеніями—пусть и заморской, нѣмецкой—педагогики едва ли должны быть оберегаемы, разъ они помнятъ о томъ, чтобы не потерять свою русскую голову. Тогда хорошее знакомство съ ними едва ли не склоняетъ и подготавливаетъ дѣятеля къ школѣ такого именно типа, который представляетъ собою школа церковно-приходская. Въ виду всего этого, мысль, что Ушинскій предостерегалъ отъ увлеченія нѣмецкой педагогикой, нельзя понимать иначе, какъ подразумѣвая въ ней не общее—указанную педагогику, а нѣчто частное, весьма определенное, увлеченія которымъ у К. Д—ча не было, а другихъ нашихъ «педагоговъ» оно прямо отпугивало отъ церковно-приходской школы. Въ сущности у насъ удивительно несчастливо случилось Адольфу Дистервегу. Не А. Каменскій, не Песталоцци, не Гербартъ, а именно онъ у насъ сказывался главою въ сферѣ

¹⁾ См. *Bernhard Bähring*, Die Reform d. christlichen Religions unterrichtes. Berlin. 1872.

дидактической мысли. И слишком мало статей наших погрѣшало противъ сложившейся обязанности, если не процитовать какое-нибудь изреченіе Дистервега, то по крайней мѣрѣ упомянуть ставшее у насъ великимъ это имя. Однако что же такое онъ сдѣлалъ? Предложилъ замѣчательную формулу цѣли обученія — самодѣятельность въ стремленіи къ истинѣ, добру и красотѣ? ¹⁾ Но вѣдь эта формула только на бумагѣ — только на одной *бумагѣ* примиряла и желавшихъ чрезъ школу добиться формальной развитости ученика и убѣжденных въ томъ, что главное въ знаніи — знаніе есть сила. Указалъ, какъ говорили, твердое основаніе для обученія грамоты по способу письмачтенія? ²⁾ Но мы читаемъ это раньше, хотя и въ тѣхъ же словахъ, у дѣйствительной величины въ Дидактикѣ — у Гразера ³⁾. Создалъ свой и хорошій способъ обученія ариметикѣ? Но еще въ первой половинѣ 19 вѣка швейцарскій дидактологъ ⁴⁾ зналъ читать хорошій этотъ способъ у дѣйствительнаго автора его, извѣстнаго Шольца. И вообще достаточно ознакомиться съ переведенными у насъ «Начатками обученія», для того, чтобы видѣть, насколько былъ вздутъ педагогическій цензъ Дистервега на російскомъ рынкѣ. Сила его не для насъ, а для нѣмцевъ; не въ томъ, что онъ былъ дидактологъ, а въ томъ, что онъ былъ публицистъ. Онъ боролся съ прусскимъ режимомъ и уставомъ обученія — «прусскими регулятивами» и сдѣлалъ много не для науки объ ученѣ — гдѣ и для насъ могла быть польза отъ его трудовъ, а для учительскаго сословія — *нѣмецкаго* учительскаго персонала. Но въ этой горячей и страстной полемикѣ онъ встрѣтился съ дидактологами богословскаго направленія, между нимъ и Фольтеромъ, его *Rheinische Blätter* и ихъ *Süddeutsche Schulboten* была ожесточенная война; и уже поэтому должно было ожидать, что онъ станетъ противъ богословія и христіанства, какъ это конечно не только случилось, но и рѣзко проводилось съ полнымъ небреженіемъ истины и вѣры ⁵⁾. Очень натурально, что хорошо знавши истинную цѣль соб-

¹⁾ См., напр., Исторію педагогики *Модзалевскаго* и мн. др.

²⁾ *Вессель*, Руководство и преподаваніе общеобразоват. предметовъ. Спб., т. 2, въ отдѣлѣ объ обученія родному языку.

³⁾ *Fr. B. Graser*, *Elementarschule für's Leben*. 4 Aufl. 1839. B. I. Abth. 2, § 129, p. 175.

⁴⁾ *T. Scherr*, *Leichtfassl. Handbuch d. Pädagogik*. B. 1 p. 382. 2 Aufl. 1847.

⁵⁾ См., напр., мое — Дидактич. значеніе Св. Истор. Спб. 1883, стр. 157.

ственно дидактической производительности этого публициста, К. Д. Ушинский совсѣмъ не обоготворялъ его и тѣмъ самымъ дѣйствительно отучалъ русскихъ отъ увлеченія *той* нѣмецкой педагогикой, которая не привлекала, а напротивъ отдаляла и даже отпугивала отъ школы церковно-приходской, а послѣ Ушинскаго уже не могла такъ завоевывать умы дидактологовъ россійскихъ.

Насколько возможно допустить подобное же подразумѣваніе частнаго подъ общимъ относительно подготовительной миссіи гр. Толстого—которая усматривается въ томъ, что своими обличеніями новыхъ способовъ и методовъ онъ расчистилъ дорогу церковно-приходской школѣ? Гр. Толстой помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» свой этюдъ о народномъ образованіи, который надѣлалъ большаго шума, произвелъ совершенный переполохъ въ тогдашнихъ вожакахъ русской дидактики. Вотъ этимъ самымъ, очень важнымъ разоблаченіемъ совершенной недѣловитости, по которой швыряютъ, какъ жупель, мудреныя слова, ипецуютъ разныя заграничныя знаменитости съ невѣжественными искаженіями («Песталоцій и Урстъ»?!), по незнакомству съ ними на самомъ дѣлѣ, трактуютъ о вещахъ, имѣющихъ академическое только, а то и просто бумажное значеніе; и забываютъ, что надо говорить о живомъ дѣлѣ, что тутъ (по Толстому) два капитальныхъ вопроса—чему учить и какъ учить; вотъ объ этихъ вопросахъ и нужно разсуждать. Къ счастью для себя встревоженные такимъ рѣшительнымъ репримандомъ и такимъ громкимъ заявленіемъ полного нежеланія принимать пустословіе за размышленіе о дѣлѣ, засимъ навѣрно чувствуя правду такого заявленія, русскіе дидактологи нашли слабый пунктъ у обличителя и въ немъ устроили себѣ удовлетворительный реваншъ. Не тотъ они ухватили дѣйствительно крупный и серьезный пунктъ, что гр. Толстой кардинальнаго не отмѣтилъ—позабылъ поставить самоглавнѣйшій вопросъ, о которомъ ему было бы гораздо труднѣе забыть послѣ того, какъ онъ увидалъ и писалъ, что люди часто дѣлаютъ ужасно много и ретиво, а ни къ чему и лучше бы не дѣлали. Сами они гораздо раньше и къ сожалѣнію гораздо усерднѣе его забывали этотъ пропущенный имъ вопросъ *о цѣли* обученія. Но, вѣчно занимаясь одной только методикой, они тутъ въ ней именно выкопали источникъ для своего реванша: нашедши у гр. Толстого и обративши въ смѣшное допотопную методу обученія грамотѣ *буквослагательнаю*. Нужно признать, что

они въ этомъ случаѣ совершенно правы. Когда учатся читать, то учатся складывать въ слова звуки, изъ коихъ складываются слова, а не пазванія буквъ, коими обозначаются, глазу присущая звуки. Слѣдовательно, предметомъ обученія грамотѣ можетъ быть ничто иное, какъ звуки, и обученіе грамотѣ, значить, безусловно можетъ быть только звуковымъ. Гр. Толстой говоритъ, что этого предмета обученія грамотѣ не хотая принимать дѣти и съ торжествомъ указываетъ на то, что когда ихъ учатъ по звуковому способу, въ трудныхъ случаяхъ—не имѣя возможности ясно произнести трудно произносимый звукъ, напр. гласной «п», они сами, по своей доброй волѣ и находчивости, дѣлають прибавку къ нему и произносятъ «пы». Справедливо, только это нимало не говоритъ въ пользу гр. Толстого; и просто потому, что дѣти не только прибавляютъ къ «п» полугласную (замѣтьте: *полугласную*) «ы», но и сами сознають, что полугласной не дано, а они прибавляютъ ее условно—для легкости произношенія. Все это, кажется, вполне вѣрно. А поэтому, если говорится, что гр. Толстой подготовилъ церк.-приходскую школу своей отрицательной критикой современныхъ методовъ обученія грамотѣ; то признаніе его подготовительной миссіи для церк.-приходской школы не требуетъ ли съ логической необходимостью предположить признаніе и того, что въ этой школѣ обученіе грамотѣ идетъ, того мало—предпочитаетъ идти по допотопной, сов. невѣрной, хотя и тысячелѣтней буквослагательной методѣ. Я бы никогда не позволилъ себѣ одобрить подобныхъ явленій, и не вижу ни одной принципиальной точки зрѣнія, которая бы запрашивала у школы, разъ она церк.-приходская, такого, простите, юродиваго обученія грамотѣ; и единственное, что тутъ практически требовалось бы признать, это развѣ то, что пока не были готовы надлежащіе учителя школы грамоты и пока средства церковной школы были мизерны, дѣлать нечего—должно было, лучше было мириться и съ такими учителями, которыхъ ставилъ доброму паставнику въ примѣръ крестьянишь, говоря: «я возьму сына своего изъ училища; что это за ученіе? уже вторая педѣля доходить, что мой Алексѣй бѣгаетъ въ школу, а ты ему еще не дасть никакой книжки..; спросилъ было я его почитать, а онъ и первыхъ-то складовъ не знаетъ; вотъ старшій-то у меня учился у одного поселенца, такъ то съ перваго же дня началъ его учить по книжкѣ, и въ первую

недѣлю 12 складовъ зналъ; а у тебя что?»¹⁾ Или можетъ имѣють въ виду пренебрежительно критическое осужденіе Толстымъ момента наглядности, за которымъ по нему до уморительнаго гонятся наши начитанные въ нѣмецкихъ книжкахъ «педагоги»?²⁾ Но въ концѣ выходитъ одно и тоже. Развѣ не нужна въ обученіи наглядность? Развѣ то будетъ хорошо, а не изъ рукъ вонъ плохо, если по примѣру Толстого (т. е. его критики, а совѣтъ не дидактической практики) церк.-приходская школа не будетъ, гдѣ только возможно, прибѣгать къ содѣйствию онаглядывающихъ средствъ? Что подъ наглядностію разумѣли и разумѣють одну грубо-чувственную наглядность, это, какъ и вообще сенсуализмъ, вещь никуда негодная. Но въ принципѣ наглядность есть прямо *законъ* — неотложный законъ всякаго правильнаго обученія.

Но то, конечно, тысячу разъ справедливо, что церковно-приходская школа имѣеть удовольствіе очень и очень считаться съ послѣднимъ дидактологомъ, котораго называетъ и вѣрно ставить мнѣніе, указавшее на Ушинскаго и гр. Толстого. Профессоръ университета, которому вдобавокъ вовсе не приходилось утруждаться вниманіемъ къ себѣ студентовъ, ученый, заявившій себя печатно, отказывается отъ чести, славы и столицы и водворяется въ глухой деревнѣ Смоленской губерніи, которая сдѣлалась кандидаткой на большую извѣстность только благодаря его имѣющимъ быть трудамъ. Таковые скоро и наступили. Сергѣй Александровичъ Рачинскій сводитъ свое дидактическое воззрѣніе къ точному и полнозаключенному образу, создаетъ въ своемъ Татевѣ школу, осуществляетъ здѣсь выработанный имъ образъ обученія, становится добровольцемъ, который чуть не весь дневной свой трудъ расходуетъ на обученіе и обращеніе съ дѣтьми, совершаетъ съ ними паломничество, устраиваетъ наконецъ общежитіе. И только развѣ таланта его церковно-приходская школа не въ силахъ усвоить себѣ. А все остальное она замѣствовала, съ точностію повторяетъ у себя. Церковно-приходская школа послѣдняго періода съ 1884 года есть Татевская школа въ 40 и бол. тысячъ экземпляровъ. Не забываю, конечно, того, что свою силу быть и

¹⁾ Отчетъ Иркутскаго Епарх. Учил. Сов. за 1899 г., стр. 43.

²⁾ О народномъ образованіи. Отечественныя Записки, 1874, стр. 155—76. Тутъ есть и объ Евтушевскомъ по арифметикѣ, по всякій понимаетъ, что Толстой имѣлъ дѣло здѣсь не съ методой, а съ неумѣніемъ обучать и преподавать.

разрастаться въ такое количество экземпляровъ Татевская школа взяла не у себя и не у создавшаго ее истиннаго филантропа Рачинскаго.

Что же касается до того, чѣмъ отличается возникшая такъ церковно-приходская школа послѣдняго періода, то здѣсь съ трехъ разныхъ сторонъ и съ разными подкладками, но въ общемъ одинаково, утверждается за нею виѣшняя, болѣе или менѣе *формальная* особенность отъ остальныхъ первоначальныхъ нашихъ школъ—земской и министерской. Прежде всего извѣстно, что одинъ изъ видныхъ дѣятелей московскаго земства, фамиліи высокозаслуженной, покойный Д. Θ. Самаринъ сдѣлалъ докладъ, въ которомъ, не нашедши у себя никакихъ силъ и возможностей отличить церк.-приходскую школу, обособить ее по существу, открываетъ только одно единственное отличіе, именно въ вѣдомствѣ, которому она подчиняется—и есть именно школа духовнаго вѣдомства. Не считая сколько-нибудь пужнымъ теперь же указывать просвѣты для шного, вмѣстѣ съ этимъ, отличенія не юридическаго, а и прямо дидактическаго, я бы хотѣлъ поставить на видъ, что Д. Θ. Самаринъ въ настоящемъ случаѣ находитъ себѣ полныхъ единомысленниковъ въ самомъ же духовенствѣ, и не высокой только, а и низшей іерархической ступени. Что начались такія школы, которыя прямо и широко запрашиваютъ для себя участіе духовенства, это для послѣдняго есть живое слово и полное всякаго смысла. Духовенство поняло, что тутъ совершается его реабилитация—тутъ конецъ его отстраненію отъ школы, которое протягивалось на немалые годы ¹⁾, тутъ конецъ унижительному положенію зависимости законоучителя отъ учителя ²⁾; тутъ непрзрачное возстановленіе прежняго положенія дѣль, начало котораго совпадаетъ съ началомъ христіанства въ Россіи ³⁾, а продолжимость тянется цѣлыя столѣтія, чего не отрицаютъ даже такіе историки первоначальнаго обученія въ нашемъ отечествѣ, которые завѣдомо стояли не на сторонѣ церк.-приходской школы въ настоящее время ⁴⁾. Съ другой стороны,

¹⁾ „Владивостокскія Епарх. Вѣд.“ 1896, № 5. „Курскія Епарх. Вѣд.“ 1900, № 26.

²⁾ Разумѣется зависимость полученія жалованья законоучителями отъ удостовѣрительной записи учителя.

³⁾ „Самарскія Епарх. Вѣд.“ 1901, № 12.

⁴⁾ Проф. *Леонтовичъ*,—„Варшавскія Университ. Извѣстія“ 1894, кн. V, стр. 4, 8, II, 25 и др.

духовенство признало, что сказывающийся въ случившемся оживленіи церк.-приходской школы призывъ его къ дѣятельнѣйшему участию есть собственно призывъ къ ревностному исполненію обязанности, которая прямо належитъ ему потому, что оно есть духовенство ¹⁾). Отцы невольно припоминаютъ золотое слово Тихона Задонскаго: «попови что есть ино дѣло, развѣ ученье» ²⁾; и прямо сказываютъ, что обязанность учить юныхъ несомнѣнно дана въ заповѣди Господа Спасителя: шедше научите вся языки (Мо. 28, 19) ³⁾. А при этомъ они очень хорошо видятъ, что, занимаясь этимъ дѣломъ, они не просто исполняютъ лежащій на нихъ долгъ, но получаютъ отсюда добрый плодъ въ пастырскомъ отношеніи: поскольку готовятъ новое поколѣніе такихъ прихожанъ, которое по всеѣмъ доступнымъ человѣку вѣроятіямъ будетъ сравнительно съ прежними гораздо болѣе доброй почвой для ихъ церковнаго и служенія, и назиданія ⁴⁾. Наконецъ духовенство не отказалось замѣчать и еще иное благо въ начальныхъ школахъ. На самомъ дѣлѣ, въ послѣднихъ ему даны честь и мѣсто въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; но само оно средоточіе свое имѣть не гдѣ-либо, а именно въ церкви; поэтому для него и очевидно, и является какъ нельзя болѣе натуральнымъ то, что учащіеся въ школахъ духовенства не остаются безъ надзора и добраго вліянія и постѣ добраго, но чрезвычайно краткаго вліянія школы напротивъ имъ открывается самая широкая возможность имѣть и непосредственно перейти въ свою академию, въ свой университетъ—въ церковь Божию, съ которой они тѣсно связываются своимъ школьнымъ обученіемъ и къ образуящему вліянію которой они здѣсь приготовлены какъ нельзя лучше; а что можно представить выше и благотворнѣе образуящаго вліянія этой академіи? ⁵⁾. Такимъ образомъ миѣ остается только засвидѣтельствовать, что въ то время, какъ у Самарина отличеніе церк.-приходскихъ школъ ихъ находже-

¹⁾ „Черниг. Епарх. Вѣд.“ 1895, № 24, стр. 823.

²⁾ „Душеполезное Чтеніе“ 1899, кн. V, стр. 94; ср. „Церк. Вѣд.“ за 1889 г., стлб. 1079: вологодское духовенство знаетъ заповѣдь „паче всего учить отроковъ“ (10 прав. 7 Всел. Собора).

³⁾ „Таврич. Епарх. Вѣд.“ 1900, стр. 1077.

⁴⁾ „Тамбовскія Епарх. Вѣд.“ 1901, № 35. „Нижегородскія Еп. Вѣд.“ 1900, № 24.

⁵⁾ „Минскія Епарх. Вѣд.“ 1900, № 18. „Тобольскія Епарх. Вѣд.“ 1900, № 17. „Орловскія Епарх. Вѣд.“ 1900, стр. 1028.

ніемъ въ вѣдѣніи духовенства является скорѣе всего указаніемъ ихъ на малосостоятельность, то этотъ же самый отличительный признакъ въ духовенствѣ вызываетъ не только бодрящую мысль объ историческомъ признаніи его дидактической правоспособности, а и готовность серьезно считаться съ возлагаемыми на нихъ дидактическими обязанностями, и живое желаніе добиваться сравнительно большей связи прихода съ церковью въ просвѣтительныхъ видахъ.

Теперь достопамятный С. А. Рачинскій. Разматривая наличный составъ учителей, болѣе или менѣе наученныхъ своему дѣлу, кромѣ окончившихъ въ духовной семинаріи, онъ находитъ, что все они льнутъ къ тому сословію, принадлежащаго къ которому крестьяне называютъ баринномъ и соединяють съ этимъ опредѣленное представленіе. Замѣчая ихъ учительскія достоинства, часто привязываясь къ нимъ, мальчички крестьянскіе однако видятъ у нихъ въ полномъ изобиліи и тѣ особенности, которыя составляютъ особенности господскаго сословія. и вынуждены, можетъ быть съ прискорбіемъ, говорить себѣ: все божественное, все церковное это только для насъ, паншущихъ землю, учащихся на мѣдные гроши. Люди ученые, господа, безъ всего этого обходятся. А заповѣди Божіи? развѣ ихъ чтутъ господа? И все это относится ими и къ учителямъ. Но не къ священнику. Онъ иногда объясняетъ мудренѣе, чѣмъ само объясняемое, заставляетъ задалбливать на память рассказы св. исторіи, не всегда—рѣдко приходитъ въ классъ. «А всетаки самое пужное даетъ батюшка, но не учитель». Да и живетъ онъ не только среди крестьянъ, но и ближе къ нимъ, чѣмъ къ верхнимъ, постоянно общается съ мужичкомъ. А вести школьное дѣло ему не только сподручно и полезно въ пастырскомъ отношеніи, но выгодно для него — хорошо наполняетъ обычный досугъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, отвлекая чрезъ это отъ многого — зазорнаго наполненія свободнаго времени. Если же взять наблюденіе за школою—которое тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ ближе и постояннѣе, то какое же возможно сравненіе между священникомъ, постоянно живущимъ около школы, и напр. инспекторомъ народныхъ училищъ, коему дай Богъ по одному разу посѣтить подвѣдомыя школы — чтобы имѣть хоть какую-нибудь возможность давать въ своемъ отчетѣ отзывы человѣка, на самомъ дѣлѣ видѣвшаго то, о чемъ онъ отзывается. Наконецъ, конечно лучше думать, что привлеченіе къ книжному обученію должно состояться безъ насильствен-

ной помощи кнута—такъ называемаго обязательнаго обученія, чуть не повальное увлеченіе коимъ едва ли служить къ чести нашихъ «ученыхъ» педагоговъ. А если такъ, то вѣдь это прямой интересъ для пастыря, чтобы въ каждомъ селеніи его прихода крестьяне, благодаря его убѣжденіямъ, согласились завести школы элементарныя (грамоты). И такимъ образомъ чрезъ духовенство весьма мыслимо осуществленіе повсюднаго обученія, вытекающаго изъ доброй воли отцовъ. Вотъ какое въ цѣломъ большое дѣло представляетъ духовное вѣдомство для русской школы. Единственное, что кажется лежало въ душѣ великаго энтузіаста народнои образованности на случай, если бы въ духовенствѣ пересилили не тѣ отрадниѣшіе примѣры беззавѣтной отданности этому дѣлу образованія, которые Рачинскій не слыпъ — *видитъ* ихъ въ живой дѣйствительности, но прежніе примѣры отданности серебру или вину,—единственное, говорю, что кажется крылось въ его душѣ, это на указанный случай имѣть, про запасъ, учителей изъ самаго же крестьянскаго сословія ¹⁾).

Теперь, какъ-бы мы ни смотрѣли на дѣло, во всякомъ случаѣ непосредственно видится, что, кромѣ разсмотрѣннаго, болѣе или менѣе вѣщнаго отличія, церк.-приходская школа безспорно имѣетъ внутреннее—по существу, что она имѣетъ свой собственныи основной принципъ, что таковымъ служить ей «церковность», съ которою она стоитъ и падаетъ, отъ котораго прямо зависитъ и ея существованіе на лицо, и самый образъ ея существованія ²⁾). Спорить противъ этого никто не возьмется, и весь вопросъ въ томъ: какъ поимать это начало церковности, что разумѣть подъ нимъ. Доселѣ успѣли заявиться разныя пониманія; и можно начать съ того, по которому тутъ нужно имѣть въ виду тѣ священныя книги—Часословъ, Псалтирь и Библию, которыя запово появились съ церк.-приход-

¹⁾ „Сельская Школа“, стр. 1—42, 51—4, 76—83, 97—9, 237—72.

²⁾ На съѣздѣ 22—23 авг. 1902 г. екатеринбургскихъ наблюдателей обсуждался вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ церковность школы. Вопросъ возбужденъ въ виду того, что въ некоторые „неопытные“ дѣтели церк.-пр. школы стараются поставить ее совершенно по образцу земской. Съѣздъ постановилъ опытнымъ труженикамъ школы напомнить, а не опытнымъ указать, что церковность есть отличительное свойство церк.-приходск. школы и достигается она особымъ строемъ церковно-школьной жизни и ходомъ обученія въ ней. Отч. Екатеринбург. наблюд. 1901—2, стр. 5.

скою школою въ область начальной россійской школы ¹⁾. Говорю: запово появились, и настаиваю на этомъ. Д. Θ. Самарину легко было теряться въ разсужденіи того, чѣмъ же—чѣмъ такое отличается церк.-приходская школа по существу, когда оказывается, чему учать въ ней, тому учать и въ земской съ министерскою. Опъ взялъ послѣднія въ современной ихъ постановкѣ, когда они *приняли* въ свой объемъ разныя привнесенія: *сообразно* тѣмъ инымъ матеріаламъ обученія (преимущественно церковнославянскій и пѣніе), которые обозначились въ школѣ церк.-приходской ²⁾. А вотъ если бы онъ взялъ свои школы до того, какъ такового сообразованія въ нихъ еще не было, тогда бы обозначилась весьма немалая разница и кромѣ разницы вѣдомствъ. Тогда бы онъ столкнулся даже и съ тѣмъ, совершенно болѣзненнымъ явленіемъ, что, какъ указалъ С. А. Рачинскій, въ школьномъ каталогѣ М-ва нар. пр. книгъ для чтенія не нашла себѣ мѣста даже Библія В. Завѣта, а Св. Писаніе Новаго, хотя и не подверглось полному забвенію, зато и не было въ числѣ книгъ, рекомендуемыхъ, одобренныхъ ³⁾. А вотъ на Западѣ, тамъ очень давно умѣютъ относиться съ особеннымъ—спеціально педагогическимъ почтеніемъ къ свящ. книгамъ Ветхаго Завѣта. Тамъ давно знаютъ, что они должны быть почитаемы не только, какъ священныя, но и какъ имѣющія къ дѣтямъ неподражаемую возрастную близость—какъ повѣствованія о начальныхъ временахъ, когда отношенія человѣческія не имѣли сложности и запутанности послѣдующихъ временъ, когда добродѣтели были не гражданскія, а патріархальныя, когда вся въ цѣломъ была эпоха не цивилизаціи, а героическая; все это настолько непосредственно близко возрасту дѣтскому, настолько широко и естественно школьникъ входилъ здѣсь въ курсъ дѣла, что, когда Бенеке представля-

¹⁾ Напр. см. Отчеты Ярославскаго Епарх. Учил. Сов. за 1889—90, стр. 7. Особенно много объ этомъ въ „Мысли простаго русскаго народа о томъ, какое ему нужно ученіе и просвѣщеніе“. Москва, 1887.

²⁾ „Земско-министерская школа все болѣе и болѣе становилась мірской и свѣтской, давая этому элементу выдающееся, преобладающее значеніе и тѣмъ заглушая церковный, подавивъ послѣдній. Такое направленіе зем.-минист. школа начала терять со времени возрожденія церковной школы, которая своимъ церковнымъ характеромъ привлекла къ себѣ сердца народа. Съ этимъ пришлось считаться земско-министер. школѣ, и она мало-по-малу стала вводить у себя церковность“. Оревб. Еп. Вѣд. 1901, № 6.

³⁾ Сельская школа. С. А. Рачинскаго. Изд. 5. Спб. 1902, стр. 7.

лись всё неотложныя необходимости изыскать ясныя и рѣшительныя въ пользу классицизма, то онъ семита-Авраама незамѣтно для себя обратилъ въ арійца и примѣромъ живой близости разказовъ объ этомъ родоначальникѣ еврейскаго народа доказывалъ великую натуросообразность классическаго обученія ¹⁾; а достопочтенный глава школы, не впадая въ такую ошибку, сов. справедливо отдалъ должную честь духовному сословію—которое-де хорошо знаетъ: какимъ истинно античнымъ, а слѣдовательно и дѣтоподобнымъ сокровищемъ они располагаютъ въ Библии ²⁾. И вѣрно. А у насъ все это затмилось потому только, что въ старыя и, правда, не весьма давнія, времена плохая учеба тѣсно связана была съ преобладаніемъ славянскихъ матеріаловъ, притомъ съ невозможнымъ ограниченіемъ, по которому дьячки, оказывается, сдумѣли отстоять и провести въ народъ и народную школу свои книги, читаемыя ими на крылосѣ, а за священниками и діаконами такой удачи не обозначилось, почему главнѣйшая часть божественнаго писанія—Евангеліе, въ противоположность Псалтирю, осталось внѣ школы и народнаго употребленія. Но конечно страстная реакція пражнему, объясняющая полное забвеніе о В. Завѣтѣ, ополчалась противъ славянскихъ матеріаловъ не во имя плохаго выбора ихъ, оставлявшаго главное за бортомъ школы; а изъ побужденій, во всякомъ случаѣ болѣе нисшихъ: изъ того, что старая учеба умѣла научить читать не всякую, но одну лишь книгу—данную, и вся невозможная ограниченность результата, получаемаго отъ обученія грамотѣ, поставлялась въ зависимость отъ того, что брали не русскую, а славянскую книгу; или какъ нибудь иначе, но только вмѣстѣ съ отрицаніемъ буквосочетательнаго обученія грамотѣ тутъ отрицались заразъ и обычныя—славянскіе матеріалы такого невозможнаго способа. Не упуская изъ виду ни того, ни другого историческаго указанія—ни недавняго устраненія изъ школы книгъ, запрашивающихъ благоговѣйнаго почтенія, ни предшествующаго этому излюбленія ихъ нѣсколько беззотчетнаго и въ дидактическомъ, а также и въ религіозно-нравственномъ христіанскомъ отношеніяхъ,—соображая, говорю, и то и другое,

¹⁾ Erzieh. u. Unterrichtslehre 2 Aufl. 1842 B. II p. 181.

²⁾ Говорю о Герbartѣ. Кромѣ его мнѣнія, въ приложеныхъ къ его Pädagogische Schriften, herausg. v. Prof. Willmann Leipz. 1873. B. I. p. 599—607 приведено зависящее отъ Герbartова такое же мнѣніе Кольрауша съ прекрасными выдержками изъ знаменитаго Гердера.

мы бы сказали такъ. Разъ дѣлю идти о церковно-приходской школѣ, книги Священнаго Писанія съ непремѣннымъ присутствіемъ на лицо и в.-завѣтныхъ повѣствованій, и Псалтири и прежде всего Евангелія, должны имѣть въ ней мѣсто прежде другихъ книгъ; также какъ и церковныя книги, конечно, входятъ въ составъ такой академіи, воспитанники которой должны участвовать въ ней не по окончаніи предшествующихъ низшихъ ступеней образованія, а и во время прохожденія этихъ ступеней. Это законъ безусловный—и не переходимый, и никогда не отмѣняемый. Но имъ узаконяются извѣстные *матеріалы*—священныя и церковныя книги, какъ неотложно обязательныя для изученія и усвоенія ихъ. А не то, чтобы здѣсь было содержаніе того принципа церковности, который хотимъ опредѣлительно представить себѣ. Если бы въ этомъ состояло основное начало церк.-приходской школы, тогда бы мы должны были видѣть и не замалчивать *всей* творящей силы, которая свойственна ему какъ всякому принципу. И прежде всего, обращая вниманіе на языкъ, котораго запрашиваетъ это начало, вводящее въ школу священно-церковныя книги, мы должны были бы поставить вопросъ: только ли должно обучать дѣтей церковно-славянскому языку, или же и самое обученіе грамотѣ должно начинаться съ обученія не родной, или-вой—русской, а славянской грамотѣ. Читатели знаютъ, что такой вопросъ уже и ставили, не только ставили, но и утвердительно рѣшали въ пользу языка священно-церковныхъ книгъ. Логической послѣдовательности у проповѣди такого обученія грамотѣ, какъ видно, мы не отнимаемъ, а напротивъ показываемъ, какимъ образомъ она можетъ не грѣшить извѣстнымъ *petitio principii*. Но можетъ быть изъ такого послѣдовательнаго проведенія принципа ясно становится виднымъ, какъ не годится суживать начало церковности до такой степени, что подъ нимъ разумѣются только священно-церковныя книги. Наглядно видится это отсюда не только потому, что наши церк.-приходскія школы суть школы *русскія*, а еще больше потому, что предлагавшіе начинать обученіе грамотѣ съ языка церковно-славянскаго на дѣлѣ идутъ другимъ путемъ, и это стоитъ лишь разобрать. Первоначальное предложеніе, которое дается въ учебникѣ для аналитическаго разложенія на слоги, потомъ на звуки, гласить: «Боже, спаси мя» ¹⁾). Что это такое? Пись-

¹⁾ *Кулинь*, Славянорусская азбука. Сиб. 1885, стр. 14. А потомъ и

менами начертано предложене славянскими, но по словесному составу своему оно есть чисто русское, въ разсужденіи котораго послѣднее слово «мя» не дѣлаеть никакой разницы. Авторъ очень хорошо понялъ, что если бы вмѣсто указаннаго онъ поставилъ бы, напр.: «Господи, что ся умножина стужающія ми», то ученикамъ его прежде всего предстояло бы весьма нелегкое дѣло овладѣть смысломъ предложенія, понять слагающія его слова, и уже потомъ разлагать на звуковые элементы такую чуждую для него словесную сущность. Поэтому, чтобы не паваливать на ученика другой, лишней трудности, онъ подъ видомъ славянской и учить собственно русской грамотѣ, доказывая тѣмъ, что послѣдовательное проведеніе узко понятаго начала церковности видно, но прежде всего практически не допустимо.

Не въ томъ ли сущность основнаго принципа церк.-приходской школы, что Законъ Божій въ ней долженъ быть не только главнымъ, а и средоточнымъ предметомъ, такъ что: все остальные предметы, кромѣ арифметики, являются какъ бы дополненіемъ и развитіемъ главнаго предмета. Славянское чтеніе укрѣпляетъ въ памяти учащихся событія свящ. исторіи, изученныя на урокахъ Закона Божія; церковное пѣніе способствуетъ изученію церковныхъ пѣснопѣній и послѣдовательнаго хода богослуженія: въ книгѣ для русскаго чтенія даются статьи преимущественно духовно-назидательнаго и историческаго содержанія... Это не ново; и даже извѣстна еще большая центральность Закона Божія: Рабанъ Моръ (Hrabanus Maurus), о прекрасномъ ученіи у котораго мы имѣемъ краснорѣчивыя данныя въ выдержкахъ изъ Валафрида Страбона, ученика его ¹⁾, находилъ и для математическаго знанія право быть учебной дисциплиной собственно потому, что она даетъ возможность опредѣлить величины Ноева Ковчега, пзмѣрить скинію Моисееву, храмъ Соломоновъ и т. д. А засимъ и позднѣе—вплоть до нынѣшнихъ временъ существуютъ опыты такъ называемой «концентраціи» въ религіозномъ обученіи,—по которой все разнообразныя школьныя знанія и въ преподаваніи, и въ головѣ учениковъ объединялись, централизовались въ Законъ Божіемъ.

сначала: „спасибо, паси, снн; моя, мама, яма, межа“, и дальше все русскія, лишь по-славянски начертанныя слова.

¹⁾ См. Kellner, Skizzen u. Bilder aus d. Erziehungsgeschichte. Essen 1802: В. I, р. 133—47.

Но должно замѣтить, что наряду съ опытами концентраціи въ Законѣ Божіемъ имѣются опыты концентраціи въ родномъ языкѣ,—въ который естественно входятъ всѣ знанія, какъ въ общую сокровищницу мыслей и знаній даннаго народа ¹⁾, и въ географіи—какъ наукѣ «ассоціирующей» ²⁾, запрашивающей для своего пополненія свѣдѣній и оттуда, и отсюда, словомъ, отъ всѣхъ наукъ, а также концентраціи въ идеѣ географической науки—идеѣ К. Риттера о зависимости человѣка отъ облегчающихъ его внѣшнихъ условій ³⁾. Такимъ образомъ въ общемъ выходитъ слѣдующее. Само по себѣ разныя, сообщаемыя въ школѣ, знанія могутъ входить въ голову обучающихся и лежать въ ней отдѣльно другъ отъ друга, какъ напр. ящики, поставленные въ одной комнатѣ. И тогда они другъ другу не помогаютъ, хотя бы и могли помогать, если бы не были разобщены. Теперь опытъ показалъ бесполезность тѣхъ попытокъ, которыя хотѣли обойти вредную разобщенность знанія внѣшне—или (въ начальной школѣ) тѣмъ, что всѣ предметы преподаетъ *одинъ* учитель, или тѣмъ, что въ средней школѣ главный предметъ—древніе языки то занимали сравнительно съ другими очень большое число учебныхъ часовъ, а то—у одного нѣмецкаго виртуоза ⁴⁾ преподавались во всю дообѣденную половину школьныхъ занятій (иногда, кажется, отдавая эту честь сосредоточивать дѣтское вниманіе и математикѣ). Какъ чисто внѣшнія, всѣ эти средства не оправдали возлагаемой на нихъ надежды. И съ этимъ получаетъ все значеніе для борьбы съ разобщенностію знаній единеніе ихъ *внутреннее*. Но легко видѣть, что единеніе въ какомъ-нибудь одномъ предметѣ не является совершенно достаточнымъ потому, что, если будутъ достигать цѣли на самомъ дѣлѣ, тогда окажется ущербъ для объединяемыхъ предметовъ обученія, — которые въ цѣломъ своемъ безспорно имѣютъ каждый элементы, матеріалы весьма важные, и для ученика необходимые, по объединяющему предмету ненужные, лишніе для него. А главное, не одинъ Законъ

¹⁾ Это есть основа своеобразнѣйшей дидактики Жакото, по которой вмѣсто обученія грамотѣ, арифметикѣ, географіи и т. д., ученики имѣютъ дѣло съ книжкой Фенелона о Телемакѣ.

²⁾ *Herbart, Umriss Päd. Vorlesungen*, въ *Sämmtliche Werke*, herausg. v. Hartenstein. B. X, Th. I, p. 309.

³⁾ Философическая подкладка этому дана въ цитованномъ трудѣ досточимаго Гразера—*Elementarschule fürs Leben*. Band 1-er.

⁴⁾ Бернгарди, котораго хотѣлъ реставрировать Бенке.

Божій нуждается въ помощи остальныхъ предметовъ обученія, благодаря которымъ истины его могутъ выясняться болѣе; въ этомъ же одинаково нуждается и каждый изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ. Да и самыя знанія используются вполнѣ лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ исчерпана вся ихъ способность взаимно служить другъ другу. Поэтому самое справедливое, а также и благотворное рѣшеніе будетъ, такъ сказать, федеративнаго свойства: попеременно каждый предметъ обученія становится средоточіемъ и на службу ему должны быть привлечены всѣ другіе; и въ этотъ вотъ часъ Законъ Божій получаетъ для себя питательные соки изъ другихъ дисциплинъ, а въ другой родной языкъ и т. д. Понятно, что это будетъ уже не принципъ церковности.

Не вѣрнѣ ли представляется должное содержаніе церковности, когда это начало понимаютъ такъ, что по нему дѣти обязательно вводятся въ познаніе церковныхъ уставовъ и вообще литургики—вводятся и теоретически и практически ¹⁾? Такое представленіе основнаго принципа церк.-приходской школы прежде всего подкупаетъ своею видимостію. На самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, что называется по первому взгляду слово «церковность» рисуетъ намъ дѣтей, какъ они и у себя дома, и въ классѣ непрерывно становятся на молитву, какъ они въ храмѣ не только присутствуютъ, но читаютъ, поютъ, прислуживаютъ подаваніемъ кадила, выношеніемъ подсвѣчника, аналоя и т. д.; какъ они переживаютъ всѣ событія церковнаго года, освѣдомлены насчетъ праздниковъ, постятся и говѣютъ, и проч. и проч. Все это отличаетъ церк.-приходскихъ школьниковъ, и хотя остальные—земскія и министерскія школы подражательно завели нѣчто и для своихъ школьниковъ, но все это есть позаимствованіе. Такимъ образомъ церковность сама себя хорошо сказываетъ, что оно такое; и не невозможно, что найдется много людей, которымъ покажется странностію, что вотъ думаютъ и ищутъ опредѣлить содержаніе этой особенности церк.-приходской школы, когда она вся видна сама собою. Но все-таки есть обстоятельства, не только побуждающія къ таковымъ изысканіямъ, а и вызывающія сомнѣнія въ справедливости непосредственнаго, сейчасъ намѣченнаго представленія о церковности. Не покрываются имъ остальные предметы обученія—они въ такомъ слу-

¹⁾ Напр. „Херсон. Епарх. Вѣд.“ 1901, стр. 589.

чаѣ стоять въ церк.-приходской школѣ вѣгъ начала церковности: каковое, однако, должно обнимать и проникать собою *все* обучение, *всю* школу. Только одно нѣмѣе сюда подходит—какъ средство для правильнаго участія школьниковъ въ богослуженіи. А если брать остальное *свѣтское* обученіе, то между имъ и *такою* церковностію настолько нѣтъ ничего общаго, что не просто можетъ, а прямо должна рисоваться намъ картина рѣзкой двойственности въ церк.-приходскомъ обученіи, по которой одно учится для молитвенной, для божественной жизни, а другое для жизни мірской, для земныхъ нуждъ. Не подрывъ, а способствованіе старой болѣзни двоевѣрія, которая слишкомъ уже давно вгнѣздилась въ русскую душу и подтачиваетъ ея христіанственность. Съ другой стороны безспорно, что въ школѣ, строяемой по принципу литургической церковности, Законъ Божій—богословіе съ матеріалами, которые служатъ представителями строяющаго начала, находится не въ полномъ разобщеніи, какъ свѣтскіе предметы, а напротивъ, въ ближайшей родственной связи. Но положеніе занимаетъ онъ здѣсь ему неприличествующее. Онъ входитъ въ составъ обученія: какъ объясненіе и толкованіе литургическаго элемента—службъ, церковныхъ празднествъ, храма съ его принадлежностями. Говоря примѣромъ, безъ него малый входъ есть извѣстный укладъ въ общемъ порядкѣ литургіи, въ лучшемъ случаѣ—бывшее въ древности и уцѣлѣвшее доселѣ въ архіерейскомъ богослуженіи первое вступленіе священнослужителей изъ храма въ алтарь. А при Законѣ Божіемъ малый входъ есть уже воспоминаніе о первомъ выступленіи Спасителя на общественное служеніе. Дѣло очень важное; отъ того, однако, нѣсколько не меньше религиозно-нравственное обученіе есть не вторичное и служебное, а первое и главное. Обряда не только нельзя отвергать, но и умалять, и хотя въ принципѣ онъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ нѣчто неизмѣнное, напротивъ; но глубокое и важное значеніе его стоитъ вѣгъ всякихъ сомнѣній. И все-таки поставить его на первомъ планѣ и въ немъ видѣть основное кардинальное выраженіе или содержаніе начала церковности означало бы давать возвышеніе обряду надъ вѣрою, давать въ архитектурникѣ—въ умозрительномъ построеніи школы изъ даннаго, выдаваемого за лучший, принципа. Такъ или иначе, только сущность основнаго, кодифицирующаго начала церк.-приходской школы должна быть выводима не изъ прикладной, а изъ основоположительной части Закона Божія.

Съ возникновеніемъ церк.-приходскихъ школъ послѣдняго періода появился новый терминъ, о которомъ въ школѣ, въ практической дидактикѣ, забыли, а въ теоретическихъ работахъ по Дидактикѣ онъ едва ли когда-нибудь и употреблялся. «Страхъ Божій» — вотъ терминъ, который съ 1884 года въ нашихъ статьяхъ и учебникахъ не только возникъ, но и сдѣлался привычнымъ, можетъ быть даже излюбленнымъ среди дидактологовъ церк.-приходской школы ¹⁾. Не тутъ ли скрывается разгадка принципа церковности? Въ филологіи давно указанъ любопытный законъ эвфемизма, по которому слова претерпѣваютъ въ своемъ употребленіи судьбу довольно трагическую: въ началѣ своего существованія они означали нѣчто хорошее, а съ теченіемъ времени хорошій этотъ смыслъ ихъ мало-по-малу затирается, такъ что напр. одно и то же нѣмецкое слово *gift* въ началѣ означало растение, знакъ, а кончилось тѣмъ, что теперь означаетъ собою ядъ. Не самое послѣднее поколѣніе моихъ соотечественниковъ было живымъ свидѣтелемъ того, какъ на дидактическомъ рынкѣ часто слышались слова «самодѣятельность», «эвристика», «развивающимъ образомъ», какъ они звучали гармонично, какъ хотѣли постоянно поминать ихъ и какъ всѣ ихъ принимали съ безпрекословнымъ уваженіемъ. А потомъ слова эти излюбленные просто затерлись, какъ попошенное суконное платье; а потомъ, кажется, противъ нихъ сталъ въ душѣ проявляться какой-то стихійный хотя, но неумолимый протестъ. И это конечно объясняется тѣмъ, что слова-то мудреные говорили, а смысла въ нихъ оказывалось поразительно мало. Того нѣтъ, когда мы говоримъ о вышеупомянутомъ терминѣ, созданномъ дидактикою церк.-приходской школы. Само Св. Писаніе даетъ его, какъ напр.: «прійдите чада, послушайте, страху Господню научу васъ». Заслужилъ отцы и учителя церкви отдѣлили для него содержаніе высокое—размышляя о страхѣ Божьемъ въ смыслѣ боязни христіанства оскорбить Великаго Святого, и даже говорили: мнѣ не нужно каменныхъ скрижалей Моисеева закона; одна мысль о всеприсутствіи Божьемъ сильна предостеречь меня отъ худыхъ дѣлъ и желаній; и всякій понимаетъ, какая недосыгаемая высота духовнаго совершенства сокрыта въ подобномъ страхѣ Божіемъ. А всетаки, если говорить «довѣряясь слову, какъ врачу», то въ нынѣшнія времена не принимается

¹⁾ Напр. „Пермскія Епарх. Вѣд.“ 1900, № 18.

терминъ такъ душевно, какъ тому должно было быть, скорѣе высокое достоинство, присущее ему чрезъ данный въ немъ предикатъ, совѣтъ не улавливается; и этому объясненіе отнюдь не въ томъ только, что, можетъ, о страхѣ Божьемъ говорили часто, а живого смысла въ него прибавляли и вносили рѣдко, полагаясь на цитату—на боговдохновенное происхожденіе термина. Кто не согласится съ тѣмъ, что въ настоящее время объявлена безпощадная война субъекту термина, какъ именованію такого чувства, которое отнимаетъ умъ, поражаетъ сознание и волю, уничижаетъ достоинство, не даетъ душѣ жить. словомъ есть чувство низшее; и въ строго христіанской сферѣ отмѣчается какъ антиподъ любви, по которой христіанинъ сознаетъ себя, не какъ раба, а какъ чадо Всемилосердаго; и у св. отцовъ отмѣчалась нравственность «по наемничеству», какъ ступень совершенства низшая. А въ общемъ разсужденіи дѣло пошло настолько далеко, что страхъ объявляется остаткомъ грубоживотнаго состоянія (естественнаго) человѣка ¹⁾. И думается, не считаться съ этимъ нельзя, такъ что то по моему добрая осторожность человѣка, дорожащаго дѣломъ церк.-приходской школы, когда онъ взамѣнъ несовременнаго, потому непопулярнаго термина употребляетъ другой, для всѣхъ и пѣнный и удобопріемлемый, и во всякомъ случаѣ не менѣе христіанскій ²⁾.

Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что когда въ началѣ церковности подразумѣваютъ идею страха Божія, то этимъ самымъ хорошо подходятъ къ основной особенности церк.-приходской школы. Въ послѣдней твердо помнить, что цѣль обученія заключается отнюдь не въ знаніи ³⁾, которое однако роковымъ образомъ тяготѣетъ надъ умами, разсуждавшими о дѣлѣ обученія. Въ чемъ угодно здѣсь могутъ быть неувѣренными, только не въ томъ, что знанія дать ученику мало ⁴⁾, что оно даже вмѣсто пользы можетъ принести

¹⁾ „Научное Слово“. Москва, 1904, кн. IX, стр. 32.

²⁾ Главная задача церк.-прих. школы заключается въ проведеніи въ жизнь „новой заповѣди“ Іоан. XIII, 14. „Самарскія Епарх. Вѣд.“ 1901, № 13—14.

³⁾ „Тверскія Епарх. Вѣд.“ 1901, № 3.

⁴⁾ Не бѣда, если ребенокъ не научится въ школѣ искусству рѣшать хитроумныя задачи. „Моск. Церк. Вѣд.“ 1901, № 48. Какая цѣна познаніямъ, какія можетъ дать начальная школа, если воля ребенка и сердце его останутся невоздѣланными? „Херсонскія Еп. Вѣд.“ 1900, № 7.

вредъ ¹⁾), и, выучившись писать, питомецъ можетъ испещрять стѣны какими-нибудь неподобными своими рукоприкладствами ²⁾), научившись счету, можетъ вести конторскія книги нечестно ³⁾); а если бы этого не было, все равно первоначальная школа не можетъ быть разсматриваема, какъ профессиональное или ремесленное учрежденіе ⁴⁾). Задача школы прямо и строго воспитательная, которая вдобавокъ является особенно необходимою въ виду настоящаго времени, не только не освободившагося отъ многихъ недостатковъ и другихъ слабостей, но окупившагося въ нихъ еще болѣе ⁵⁾). И такимъ образомъ, церк.-приходская школа знаетъ, какая у насъ высшая ступень, какой университетъ. Въ остальныхъ разновидностяхъ университетской ступени на первомъ и, должно сказать, единственномъ планѣ стоитъ задача образовательная. Что съ освоеніемъ въ высшемъ курсѣ знаній незамѣтно и неслышно поднимается и весь духовный складъ студента, это конечно неотвѣржимый фактъ. Но цѣль института, въ которомъ сообщается такой высшій курсъ, есть исключительно знательная. А вотъ университетъ церковной школы—церковь, напротивъ, настолько имѣетъ въ виду какъ разъ именно воспитаніе, что многія вѣдѣнія здѣсь даются въ такомъ—литургическомъ символическомъ видѣ, при которомъ они прямо хотятъ говорить чувству и душѣ чело-вѣка, тѣ же вѣдѣнія, которыя даются въ непереработанномъ, неприкровенномъ видѣ, т. е. въ проповѣди, они не только составляютъ в. малую долю всего въ цѣломъ церковнаго воздѣйствія, но опять допустимы не иначе, какъ съ извѣстнымъ нравственнымъ приложеніемъ—назиданіемъ воли и душевнаго настроенія. Послѣ этого низшей ступени — церк.-приходской шко-лѣ просто невозможно не видѣть и не помнить, что вся

¹⁾ Вятскія Епарх. Вѣд. 1902, № 12: опытъ убѣждаетъ, что знанія на всѣхъ ступеняхъ развитія людей, безъ вѣры, церкви, совѣсти не только не полезны, но даже вредны

²⁾ Ibid. изъ рѣчи къ выпускнымъ воспит.

³⁾ „Волынскія Епарх. Вѣд.“ 1902, № 9.

⁴⁾ „Костромскія Епарх. Вѣд.“ 1900, № 21.

⁵⁾ Взять деньги и не отдать, оскорбить отца и мать, наспиритовать себя до обѣдни — эти и подобныя явленія сдѣлались заурядными („Тверскія Епарх. Вѣд.“ 1901, № 3). „Минскія Еп. Вѣд.“ 1900, № 19, очень напираютъ на пьянство народное, думаю, укоренившееся не въ одной только Минской губ. „Херсонскія Еп. Вѣд.“ 1889, № 4, говорятъ объ увеличеніи святотатства, фальшивыхъ сборовъ на храмъ, клятвенно-преступленій.

ея зиждительная и благотворная сила лежитъ въ воспитаніи, а никакъ не ученіи для него самого—для формальнаго развитія головы, или для обогащенія ея знаніями.

Не замалчиваю возраженія, которое будетъ говорить, что, по нынѣшнимъ временамъ, не одни церк.-приходскія, а и всѣ рѣшительно школы считаютъ своею обязанностию давать обученіе *воспитывающе*—воспитывать. И хотя въ дѣйствительности—не въ теоріи, а на дѣлѣ—того совсѣмъ еще не видно вездѣ, принимаемъ за вѣрное, что наши и земскія, и министерскія начальныя школы отрѣшились отъ чисто знательныхъ цѣлей и сосредоточились на воспитательныхъ. Принимаемъ для того, чтобы показать, что тутъ мы доходимъ до предѣла, за которымъ церк.-приходская школа принципиально и кореннымъ образомъ чрезъ церковность отдѣляется отъ всякой другой нецерковной. Примикая къ языку одного изъ ея дѣятелей, говоримъ, что она слышитъ, какъ цѣль обученія—воспитаніе въ питомцѣ *человѣка*, и не находитъ здѣсь достаточной ясности: а вотъ если она слышитъ, что цѣль обученія заключается въ воспитаніи изъ питомца *христіанина*, тогда темнаго для нея ничего не остается ¹⁾). Не просто гуманическій идеалъ, а такой гуманическій, который данъ въ христіанствѣ ²⁾)—у насъ православною и поэтому прежде всего—церковью. Такъ или иначе онъ сводится къ богоподобию, вырываясь такимъ образомъ изъ мрака неопредѣленности, въ каковой школа непременно бы впадала, если бы точку опоры въ построеніи идеала обученія брала себѣ не въ человѣка—въ высшемъ, въ божественномъ, а въ цѣдрахъ человѣческаго существа—наряду съ добрымъ заключающаго въ себѣ иное, совсѣмъ притомъ невыясниваемаго до конца и, значить, открывающаго широкій, но для дѣла обученія совершенно неудобный, просторъ въ пониманіи идеала человѣчности. Считаая единственно правильнымъ черпать данныя для воспитательной цѣли обученія изъ

¹⁾ „Костромскія Епарх. Вѣд.“ 1902, № 21 (рѣчь Епарх. Наблюд.)

²⁾ Не тотъ нуженъ намъ свѣтъ школы, не одно знаніе, помогающее только устроить свою жизнь земную и привязывающее къ тѣльному міру. Намъ нуженъ въ школѣ свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всю душу человѣка и очищающій ее отъ грѣховныхъ мыслей (Псковскія Епарх. Вѣд. 1901, № 13). Дай Богъ, чтобы во всѣхъ школахъ ученіе было правое, состоящее прежде всего въ наученіи, какъ поклоняться Богу духомъ и истиною и какъ возвѣщать славу и благодареніе Ему (Орловскія Еп. Вѣд. 1901. № 4).

идея божественнаго, церк.-приходская школа поэтому естественно открывает первое мѣсто ученію о Богѣ и ставитъ его центромъ, къ которому все сводитъ и изъ котораго все выводитъ. Вглядываясь въ богооткровенное содержаніе свойствъ Божіихъ, тѣ изъ нихъ, которыя абсолютно превышаютъ силы человѣка, она поставляетъ какъ живорекущіе призывы человѣка къ признанію своей конечности и смиренію предъ Всевышнимъ. А остальные свойства, которыя въ ограниченной, конечно, мѣрѣ человѣку доступны, она обращаетъ въ послышки, изъ которыхъ точно усматривается и опредѣляется то: въ чемъ же именно состоитъ идеальное богоподобіе—который поэтому является ни измышленнымъ, ни туманнымъ, или расплывающимся, ни ограниченнымъ, ни сколько нибудь сомнительнымъ съ точки зрѣнія его правильности и достоинства. А наконецъ, для того чтобы поставить таковой идеаль въ лучшія условія для его осуществленія; во 2-хъ, потому, что самымъ существомъ этого идеала не только не исключаются, но прямо предполагаются средства для жизни по нему питомца и религіозныя, и благодатныя; въ 3-хъ, для того, чтобы эта жизнь имъ и началась съ малыхъ лѣтъ житія русской христіанской души, и, естественно, продолжаясь дальше, протягивалась на весь періодъ ея земнаго бытія; имѣя въ виду все это, школа послѣдовательно и благотворно для учимыхъ примыкаетъ себя тѣснѣйшимъ образомъ къ церкви и устрояется приспособительно къ послѣдней, вмѣстѣ со всѣмъ сказаннымъ достигая еще того, что питомецъ дѣлается *живою* единицею своего православнаго прихода съ самыхъ юныхъ его лѣтъ.

Это вотъ и есть основной смыслъ церковности. Могу видѣть, что ¹⁾ не только для нѣкоторыхъ *лицъ*, но и для истинно *научнаго* рѣшенія сказанное не доходитъ до послѣдняго конца. Нужны провѣрки и оправданія, которыя бы показывали, что панэнтенстическая, церковно-приходская постановка школы не по вѣрѣ лишь, а и по строгому сужденію, должна быть предпочтитаема просто гумантической. Будемъ со временемъ пытаться поспѣшно сдѣлать и это.

Пр. Соллертинскій.

¹⁾ Это мудро провидѣлъ тотъ же—*Раинскій*: Сельская школа, стр. 273.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки